

сплошной облачности Нижник умел мастерски провести машину над вражескими позициями и посадить ее в самом, казалось бы, непригодном для приземления месте.

— Наш Ваня прилетел! — передавалось из уст в уста, и десятки партизан устремлялись к приземлившемуся самолету, чтобы дружески пожать руку этому простоватому с виду, но по-настоящему геройскому парню.

У лейтенанта всегда оказывался с собой запас табака минимум на полсотни больших цигарок для самых заядлых курильщиков. Нередко Нижник извлекал из своей кабины и протягивал партизанам что-либо съестное.

— Ешьте, ребята, — подмигивал он. — Штука вкусная. Сам бы ел, да некуда.

— Врешь ведь, — слышалось в ответ. — Поди, от своего пайка оторвал?

— Что вы? — удивленно округлял глаза молодой лейтенант. — Вот те крест — не от пайка... Нисколечко не вру.

А ведь врал.

Случилось так, что каратели сильно потеснили партизан. Народные мстители укрылись в горных ущельях, где не то что самолету, птице негде сесть. Больше месяца бездействовал «воздушный мост». Советское командование непрерывно запрашивало, нет ли возможности найти поляну для временного аэродрома? Но такой возможности все не было. Наконец, из крымских лесов сообщили на Большую землю, что партизаны попытаются отбить у гитлеровцев небольшую посадочную площадку и продержаться на ней несколько часов.

Секретарь Крымского подпольного обкома партии Владимир Семенович Булатов лично явился вечером в авиационную часть.

— Товарищи, друзья мои, — взволнованно обратился он к летчикам, — во что бы то ни стало нужно помочь партизанам. Не стану говорить о трудностях, которые они там переживают. Вы сами летали, видели... Теперь же, когда им пришлось пробыть целый месяц без снабжения, обстановка в лесу еще более ухудшилась. Знаю, погода нелетная. Но надо!

Пилоты сурово молчали. Каждый из них понимал, что не лететь нельзя. Но и лететь совершенно невозможно. Сплошная полукилометровая облачность низко нависла над землей и морем. Попробуй, отыщи сквозь ее занесу маленькие огоньки сигнальных партизанских костров.

— Что же вы молчи-
те? — укоризненно покачал
головой Булатов. — А я-то
думал... Считал...

Голос его осекся.

— Лечу! — коротко сказ-
ал лейтенант Нижник.

Нашлись еще доброволь-
цы.

13 декабря семь легкомо-
торных самолетов, загру-
женных сверх предела про-
довольствием и боеприпаса-
ми, с интервалом в две-три
минуты оторвались от взлет-
ной полосы и исчезли в не-
проглядном мраке. Послед-
ним взлетел Иван Нижник.

Его машина пробила
толщу прильнувших к са-
мой земле облаков и очути-
лась в относительно чистом
пространстве. Под крылом,
словно ленивые волны, медленно перекатывались беле-
ые валуны. Вверху тоже белым-белое. «Похоже на слое-
ный пирог, — подумал не привыкший унывать Иван. —
А я вроде изюминки в начинке. Только съесть себя не
дам».

Ориентируясь по времени и скорости полета, он вел
машину в партизанский край. Если разобраться, — то это
мастерство. И немалое. На небольших самолетах, могу-
щих совершать посадки и взлеты с крохотных полян, не-
редко расположенных на довольно крутых косогорах,
хорошего оборудования для слепых полетов в ту пору
не было. Успех целиком зависел от умения ориентиро-
ваться и опытности летчика. К слову сказать, такими ка-
чествами лейтенант Нижник обладал. И на этот раз он
летел, полагаясь на собственную интуицию.

Через некоторое время послышались специфические
хлопки зениток. Летчик мысленно отметил, что внизу
должен быть берег Крымского полуострова, так как
именно на нем располагалась первая на пути зенитная
батарея гитлеровцев. Те, видимо, стреляли наугад, слы-
ша гул мотора скрытого облаками самолета.

И. Я. Нижник.

По расчету — скоро место посадки. Пилот осторожно стал сбавлять высоту. В молочном месиве терялось ощущение пространства. Но нет! Об этом даже думать сейчас нельзя. Надо взять себя в руки... Расчет и хладнокровие!

Неожиданно завеса мрака лопнула, и самолет вывалился из облака. Земля может оказаться совсем близко. Но внизу — лишь белая пелена. Что это? Облачность? Туман? «Быть может, снег», — мелькнула догадка. Так и есть. В горах выпал снег. То здесь, то там на белом фоне отчетливо выступали темные полосы и зигзаги. Это отвесные стены ущелий, на которых снежный покров не может зацепиться. «Но ущелий здесь быть не должно, — думал летчик. — Где я?»

Повел машину над землей, рискуя взрезаться в горный отрог. Вот впереди вырисовался знакомый контур Чатыр-Дага. Отлично! По крайней мере теперь есть ориентир. Летчик моментально определил направление и повел машину к условленному месту посадки.

С трудом разглядел небольшие светлячки посадочных костериков. Сделал заход, снизился. Через минуту колеса мягко коснулись заснеженной поляны.

Когда машина остановилась, к ней тотчас подбежали партизаны из «аэродромной команды».

— Кто прилетел? — послышались голоса. — Не наш ли Ваня?

— Лейтенант Нижник! — как обычно представился пилот.

— Так и есть, наш Ваня... Родной ты партизанский человек!

Началась выгрузка мешков и ящиков.

— Кто уже побывал тут? — осведомился пилот, зная, что впереди стартовали шесть самолетов.

— Что? — не поняли партизаны.

— Кто, говорю, до меня уже прилетал?

— Никого не было.

Ответ удивил и озадачил. Что же такое стряслось? Почему не прилетели остальные?

А непогода бушевала.

Лейтенант прикидывал, как лучше оторваться от заснеженной земли. Однако в десяти шагах уже ничего нельзя было разглядеть. Взлететь сейчас равносильно самоубийству. Нижник это отчетливо сознавал.

— Хлопцы, — обратился он к партизанам, — можно мне тут до утра остаться?

Ему хотелось взлететь, когда рассвет обрисует контуры Кавказских гор. Ориентируясь на них, можно взять нужное направление на свой аэродром. Но ответ рушил все планы.

— Немцы совсем близко. Больше часа-двух мы тут никак не продержимся. Смотри, еще самолет минами накроют...

Делать нечего, пришлось прощаться.

— Возьми раненых.

— Давай, — махнул рукой летчик. — Четыре человека.

— У нас тут пять таких, которым нельзя...

— Пять так пять, — резко перебил Нижник. — Грузи!

Кое-как разместили пятерых.

— Еще одного возьми, — взмолился санитар. — Плох он больно... Куда с ним теперь? Погибнет человек.

С трудом втиснули и шестого.

Машинка взяла разбег и еле-еле оторвалась от земли. Впереди качнулись ветви деревьев. Совсем близко. Не зацепиться бы! Но на этот раз обошлось.

Надсадно взвывая мотором, самолет Нижника вошел в облака.

Вскоре мы узнали, что шесть машин, вылетевших впереди нашего Вани, попали в сплошную облачность, сбились с курса и повернули назад. Они долго рыскали в районе прибрежной черты, пока, наконец, отыскали свою базу.

А лейтенант Нижник после этого полета исчез. Летчики говорили, что на аэродром Вания не вернулся. Обыскивали все побережье, все закоулки, но тщетно. Видно, погиб. Жаль. Люблили его партизаны.

Прошло около месяца.

Однажды на партизанском аэродроме приземлился новенький самолет.

— Давай знакомиться, — протянул пилоту руку старший «аэродромной команды». — По машине вижу, впервые у нас...

— Лейтенант Нижник, — еле сдерживая веселый смех, представился летчик.

Все так и ахнули.

— Наш Вания!

— Он! Конечно, он!

— Какими судьбами?

— Не бойтесь, — отшучивался летчик, — я не с того света. И новую машину не в раю получил, а чин по чину у себя на аэродроме. Со старой рас прощался. Сбился тогда я с курса. Забрался в немецкий тыл. Горючее кончилось... Вот и плохнулся. Две недели добирался до нашей передовой, пересек ее и, как видите, жив, здоров, чего и вам желаю.

Из рассказа Нижника друзья узнали, что, взлетев в ту памятную ночь, с партизанского аэродрома, он почувствовал — с таким перегрузом не дотянуть до Большой земли. Вернулся. Но поздно. Партизаны покинули поляну. Делать нечего, пришлось лететь на Большую землю. Сильный боковой ветер снес машину к Новороссийску. Здесь ее обстреляли гитлеровские зенитчики. Изрешетили всю. Едва ушел. Приземлился на косогоре, поросшем деревьями. Разумеется, крылья отвалились при первом же соприкосновении с их стволами.

— А раненые как? — не удержался кто-то от волновавшего всех вопроса. — Погибли?

— Целехоньки! В нашем госпитале, — успокоил всех Иван. — В лучшем виде доставлены через фронт.

— Да как же тебе все это удалось? Невероятно!

— Секрет изобретателя!

Расспросам не было конца.

— Одним словом, мне, братцы, не повезло, — заключил Ваня. — А все из-за того, что вы перед фрицами спасовали, не могли их до утра к аэродрому не подпускать. Ну, да уж ладно... В нашей жизни всякое бывает.

Действительно, чего только не бывало в нашей лесной жизни! Летчик лейтенант Иван Яковлевич Нижник и его крылатые братья крепко помогали крымским партизанам. Они умели найти выход из самого безвыходного положения. Помнится, в трудный период, когда каратели псулюди обложили леса и отрезали нам пути к площадкам, пригодным для встречи самолетов, летчики сбрасывали грузы прямо в лесную чащу, где мы их и подбирали.

Только случалось порой, что подбирать-то было нечего. Особенно страдали мешки с мукою. Бывало, пролетит такой мешок несколько сот метров, ударится о землю, лопнет и... только пыль над ним столбом. Была мука и нет ее.

Мы уже и рукой махнули. Зря, мол, стараются летчики. Рисуют жизнью. Волокут по небу груз, а толку от их стараний — ничуть. Обидно даже.

Так нет же... Нашлись и тут рационализаторы. Смотри, однажды летит знакомый самолет. Мы их уже по латкам и вмятинам знали. Похоже, на этот раз Ванина машина. Конечно, его.

Разворачивается, сбрасывает мешки. На их поиск партизаны отправляются неохотно. Все равно мучную пыль ветром унесло.

Нашли один мешок. Целеконек. Только вроде бы не полный. Другой — то же самое. Открыли. Оказывается, умельцы с Большой земли стали делать по-новому. Насыпят один мешок мукой до половины и туго завяжут. Потом опускают его во второй мешок. Тот завязывают сверху, чтобы внутреннему в нем просторно было. Падает двойной мешок с самолета, бьется, конечно, о землю. Внутренний, тугой, лопается. Мука из него вон. Только разлетаться ей некуда — в наружном мешке вся до пылинки остается. Ловко и просто. А партизанам радость.

Вместе с нами торжествовали каждую, пусть даже маленькую удачу наши друзья — военные летчики. Замечательные они люди! Уж кто-кто, а народные мстители это знают.

НА БОЛЬШУЮ ЗЕМЛЮ

После выхода гитлеровцев к предгорьям Кавказа нам стало ясно, что надеяться на скорое освобождение Крыма нельзя. Условия, в которых мы вели борьбу, оставались трудными. Непрекращающиеся бои и голод ослабили наши силы. Многие партизаны стали небоеспособными. Население, терроризированное оккупантами, опасалось помогать нам. Сотням ослабевших людей, которые оставались в лесу, грозила медленная смерть. Нужно было принимать меры для спасения наших кадров. Нельзя было допустить, чтобы погиб основной костяк партизанских отрядов.

Крымский обком партии и штаб партизанского движения приняли решение эвакуировать из горного Крыма всех больных, раненых и ослабевших партизан. Для продолжения борьбы оставлялись только самые крепкие люди, способные перенести предстоящую тяжелую зимовку.

Центральный Комитет партии одобрил этот план и оказал крымским партизанам большую помощь. Мы, бывшие партизаны, никогда этого не забудем, мы всегда